

**Из воспоминаний
Татьяны Купервассер**

Т.И. Купервассер

Георгий Николаевич Траугот — тонкий поэтический живописец, художник многогранного таланта и безупречного вкуса. В живописи он был лириком и мастером тончайших нюансов, виртуозно владел акварелью; в оформительском искусстве и промышленной графике его воображение и изобретательность не имели пределов. Он сам говорил, что его фантазия опережает выполнение. Не берясь за трудную задачу определить его творчество, я просто хочу вспомнить о нем то, что знаю, по крупинкам собрать то, что попало в поле моего зрения.

По занятиям во ВХУТЕИНе помню его очень смутно, он был моложе курсом, и мы не были знакомы. Потом я встретила его уже художником, когда в 1928 году он подал заявление в «Круг художников», и мы втроем — Вячеслав Пакулин, кажется, Г. Иванов и я ходили к нему на дом. Он жил тогда на одной из Советских улиц. В «Круге» он выставил «Пять минут молчания» и «Митинг в проулке», вторую в 1929 году. Это были большие холсты с мягкими переходами тонов, «Митинг» написан более энергично, но на этом я не настаиваю, потому что у меня осталось довольно суммарное впечатление, и с тех пор я их больше не видела. Вообще об этом периоде у меня осталось воспоминание, что он был вежливым, достаточно упитанным молодым человеком приятной наружности, тихим и не очень боевым. Мы очень редко встречались и были мало знакомы. Непосредственно я столкнулась с ним, когда он предложил мне на пробу сделать эскизы оформления улиц Октябрьского района, где он был главным художником, к 15-летию Октября в 1932 году. Эскизы были утверждены, и мы работали бригадой, с тех пор мы всегда называли друг друга только по имени-отчеству, поскольку находились в официальных отношениях, иначе было бы неудобно. Не помню, чтобы раньше называли друг друга по имени, вероятно — по фамилии, на этом объекте, в октябрьском Райсовете Ленинграда, мы проработали несколько лет, и Георгий Николаевич года четыре был неизменно главным художником района. Его все любили и очень уважали. Зная его рассеянность, сотрудники массового отдела Совета перед уходом с работы все по очереди напоминали: «Товарищ Траугот, когда будете уходить, не забудьте надеть галоши», — но он все равно забывал и потом возвращался за ними. Рассеян он был феноменально, вечно забывал свои вещи где попало, то мундштук, то записную книжку, то шарф. Друзья следили за ним, и вещи обычно возвращались к нему. Однажды он ехал в машине с секретарем райкома, женщиной, и она дала ему подержать пакетик с покупкой. Он сунул его в карман, конечно, забыл, а потом дома вытащил из кармана дамские чулки — к веселью своего семейства. В конце 1930-х годов он подружился с Александром Исааковичем Русаковым и стал бывать у нас дома. Всегда приходил днем — посмотреть его живопись, которой восхищался. Они много толковали об искусстве, о цветоведении и всегда находили общий язык. В эти годы он написал большое панно для Музея Этнографии Народов СССР, которое показывал нам однажды ночью перед открытием отдела. Это был громадных размеров пейзаж, очень красивый. Он был очень привязан к своей семье, обожал жену и

своих двух мальчиков и изо всех сил старался их обеспечить. Потом разразилась война, настала блокада. Жизнь стала тяжелой, жена Георгия Николаевича — Вера Павловна — пошла работать управхозом, а он очень ослабел.